

О КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМАХ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

А. В. Кремнева

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова,
г. Барнаул, Россия

На примере прецедентного заглавия романа Элизабет Джордж “Playing for the Ashes” в статье рассматривается процесс межтекстового взаимодействия и смыслообразования как феномен, в основании которого лежит механизм концептуальной интеграции.

Ключевые слова: концептуальная интеграция, смыслообразование, ментальное пространство, интертекстуальность.

THE COGNITIVE MECHANISMS OF MEANING GENERATION IN THE PROCESS OF INTERTEXTUAL INTERACTION

A. V. Kremneva

Altai State Technical University, Barnaul, Russia

The article studies the process of intertextual interaction and meaning generation as a phenomenon based on the mechanism of concept integration. The precedent title of the novel by Elizabeth George “Playing for the Ashes” is used as an example.

Key words: concept integration, meaning generation, mental space, intertextuality.

Проблема выражения смысла с помощью эксплицитной или имплицитной отсылки к другому тексту занимает одно из центральных мест в теории интертекстуальности. Восприятие текста с интертекстуальными включениями, декодирование смысла, переданного с помощью «чужого слова», т.е. с помощью неконвенциональных средств, требует от читателя значительных интеллектуальных усилий, одновременно доставляя ему удовольствие, позволяющее, по словам Р. Барта, причислить себя к разряду «аристократических читателей» (aristocratic reader). Сложность в восприятии интертекста, по словам В. Изера, обусловлена тем, что в результате межтекстового взаимодействия, игры кодов, двойной референции возникают смысловые лакуны, т.е. пустые места, которые читатель вынужден заполнить, выстраивая т.н. мостики между текстами, т.е. восстанавливая возможные смысловые связи, дешифруя игру кодов и смыслов, которые вызывают одновременно как усложнение, так и диссипацию значения [Iser 1993:XIV].

Как отмечали многие исследователи, занимающиеся проблемами интертекстуальности и ее роли в формировании смысла текста, основной особенностью кодирования смысла путем отсылки к другому тексту является особый характер кодов, заключающийся в их двойной референции, отсылающей одновременно и к ситуации, описываемой в тексте, и к другому тексту, что приводит к семантической усложненности и синкретизму смысла, возникающего в результате такого межтекстового взаимодействия. Так, как мы уже отмечали, М.М. Бахтин говорит о смысловых гибридах, возникающих в результате межтекстового диалога [Бахтин 1979], Ю.М. Лотман – о двойной референции, приводящей к усложнению смысла [Лотман 1981], а Р. Лахманн пишет о том, что при в результате осуществления межтекстовых связей новый смысл появляется в пространстве, возникающем в процессе межтекстового взаимодействия [Lachmann 1997:16]. Кроме того, как было отмечено выше, в основе интертекстуального взаимодей-

О КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМАХ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ствия лежат метафорические или метонимические связи, т.е. связи, основанные либо на сходстве, либо на смежности. Все это дает основания утверждать, что в глубинной основе процессов смыслообразования, происходящего при межтекстовых взаимодействиях, лежат те же когнитивные процессы, что и в основании процессов метафоризации и метонимизации. Это позволяет рассматривать сущность смыслообразования, имеющего место в процессах межтекстового взаимодействия, с позиций концептуальной интеграции, т.е. в когнитивном ракурсе.

Синкретизм смыслов, возникающий как результат межтекстового взаимодействия, создает основания для рассмотрения его сущности с позиций концептуальной интеграции как когнитивного механизма, лежащего в основе многих феноменов языка и культуры, о чем пойдет ниже.

Теория концептуальной интеграции, основная заслуга в разработке которой принадлежит Ж. Фоконье и М. Тернеру [Turner & Fauconnier 1995; Fauconnier & Turner 1998; Sweetser & Fauconnier 1996], представляет собой дальнейшую ступень в развитии теории концептуальной метафоры, представленной в трудах Дж. Лакоффа и М. Джонсона, книга которых «Метафоры, которыми мы живем» [Лакофф, Джонсон 2004], по выражению А.Н. Баранова, по праву может считаться «библией когнитивного подхода к метафоре» [Баранов 2004: 7]. Основная заслуга Дж. Лакоффа и М. Джонсона состоит прежде всего в том, что они определили место и роль метафоры в познании мира, показав, что метафоры пронизывают нашу повседневную жизнь и организуют наш повседневный опыт. Именно в метафоре, как показали авторы, находит свое наиболее полное выражение основная когнитивная способность человека мыслить об одной сфере жизненного опыта или области знаний в образах другой, таким образом, осваивать новое, опираясь на уже хорошо известное, на аналогию, строить новые концепты на базе старых, сформированных на основе предшествующего опыта.

Как известно, метафоризация как когнитивный механизм в концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона основана на взаимодействии двух концептуальных сфер: области источника, представляющей собой сферу освоенного опыта, и области цели, которая базируется на области источника на основе соответствия в опыте. При этом важно отметить, что концептуальные области источника и цели в теории Лакоффа-Джонсона предстают как сформировавшиеся, статичные образования, что, как

нам представляется, несколько ограничивает аппликативный потенциал данной теории для описания процессов генерирования новых смыслов и создания авторских метафор в процессе метафоризации. Именно это ограничение преодолено в работах по концептуальной интеграции, поскольку данная теория исходит из динамического характера процесса смыслопорождения вообще и метафоризации в частности. Представляя свою теорию, исследователи подчеркивают, что она не противоречит теории концептуальной метафоры Лакоффа-Джонсона, а, скорее, предлагает ее дальнейшее развитие, отношения между ними носят комплементарный характер [Grady, Oakley, Coalson 1999].

В процессе концептуальной интеграции принимают участие не два, как у Дж. Лакоффа и М. Джонсона, а четыре ментальных пространства, представляющие собой динамические пакеты информации, которые не существуют заранее, а постоянно конструируются в нашем сознании в ходе порождения дискурса: два исходных пространства (input spaces), общее пространство (generic space), которое возникает на основе общих признаков двух исходных пространств, и совмещенное, интегральное пространство, т.н. бленд (blend), которое структурируется в сознании и является результатом концептуальной интеграции. Описывая сущность процесса концептуальной интеграции, авторы особо подчеркивают, что совмещенное ментальное пространство не является итогом простого композиционного сложения двух исходных пространств, а представляет собой продукт сложной ментальной обработки, включающей такие когнитивные операции, как предположение, логическое рассуждение, эмоциональная оценка, творческое воображение, а также инференция, которой отводится при этом особое место [Turner, Fauconnier 1995: 184–186]. Основой для запуска механизма концептуальной интеграции могут служить как языковые единицы, так и различные события реальной жизни, при этом, как подчеркивают авторы, такие ментальные бленды не всегда находят свое языковое выражение, оставаясь продуктом мысли, а не языка [там же: 185]. Излагая существо своей теории, ее разработчики указывали на ее большой аппликативный потенциал, отмечая, что она может оказаться продуктивной не только при рассмотрении различных языковых явлений, но и за пределами языка. Как отмечали авторы этой теории, процессы концептуальной интеграции имеют место в различных областях языковой и ментальной деятельности: при реализации креативного мышления в

области математики, при эволюции социокультурных моделей, при создании шуток, рекламных текстов и других областях [там же: 186]. При этом они не только указали, но и показали на конкретных примерах, как осуществляется концептуальная интеграция в процессе метафоризации, в поэзии, в области синтаксиса конструкций, при создании шуток, а также за пределами языковой деятельности, например, при визуальной репрезентации, в области неевклидовой геометрии [Turner, Fauconnier 1999], тем самым подтвердив свой тезис о том, что концептуальная интеграция лежит в основе нашей ментальной деятельности, находя свою репрезентацию как в языковых, так и в иных формах.

По мнению Н.К. Рябцевой, понятие концептуальной интеграции является принципиально важным для языка в целом, поскольку язык сам по себе интегрален, синкретичен, многозначен [Рябцева 2005:85]. О.К. Ирисханова также отмечает большой экспланаторный потенциал данной теории, указывая, что она может применяться при изучении семантики синтаксических конструкций, фразеологизмов, построения художественных текстов, различных стилистических приемов [Ирисханова 2000:64]. Нам представляется вполне возможным попытаться рассмотреть процесс межтекстового взаимодействия и смыслообразования, являющегося результатом этого взаимодействия, как феномен, в основании которого лежит механизм концептуальной интеграции.

Рассмотрим это на примере использования прецедентного текста в качестве заглавия. Обратимся к анализу заглавия романа известной американской писательницы Элизабет Джордж "Playing for the Ashes" («Прах к праху»). Данное название является прецедентным. Как поясняет автор кратком предисловии к роману, оно связано с историей игры в крикет и появилось в далеком 1882 году, когда английская национальная команда проиграла сборной Австралии серию матчей, проходивших в Англии. Газета *Sporting Times* отреагировала на это постыдное поражение статьей, написанной в форме некролога, в котором говорилось, что тело усопшего будет кремировано и пепел (прах) отправлен в Австралию ("the body will be cremated and the ashes taken to Australia" [George 1994: XVII]). Когда английская сборная отправилась в Австралию в надежде взять реванш и вернуть себе уважение соотечественников, цель их поездки, со ссылкой на выражение, ставшее прецедентным, была сформулирована как попытка «вернуть пепел» ("to recover the ashes"). После того, как

австралийская команда дважды потерпела поражение от англичан, некоторые из женщин, присутствующих на матче, вытащили перекладину из ворот на площадке, где проходила игра в крикет, сожгли ее и вручили капитану английской сборной, тем самым преобразовав словесную метафору в артефактную. Этот пепел до сих пор хранится в Лондоне, на стадионе *Lord's Cricket Ground*, который считается Меккой английского крикета. Со времен тех памятных матчей каждое сообщение о встрече команд по крикету между Англией и Австралией формулируется как "playing for the ashes", и данное прецедентное выражение понятно всем.

В романе, который по своему жанру является психологическим триллером, сложным и многоплановым по сюжету, речь идет о расследовании гибели при пожаре известного игрока в крикет Кеннета Флеминга, который сгорел в своем доме в Кенте. По мере развертывания сюжета, мы видим, как в эту жизненную драму втягиваются все новые и новые действующие лица, каждый при этом играет свою роль, пытаясь показать свою значимость в жизни Кеннета. Как выясняется в ходе расследования, дом был подожжен, и в совершении преступления подозреваются бывшая жена Кеннета, его любовница и сын. Проводя расследование, детектив Томас Линли встречается с мисс Уайтлоу, покровительницей Кеннета, сыгравшей большую роль в его спортивной карьере, и с ее дочерью Оливией, страдающей от тяжелого заболевания и находящейся в сложных отношениях с матерью. В ходе расследования вину берет на себя сын жертвы, полагая, что поджег устроила его мать в попытке отомстить бывшему мужу. Однако Оливия понимает что преступление совершила мисс Уайтлоу, ошибочно полагавшая, что в доме в это время находилась любовница Кеннета и желавшая отомстить ей. Оливия принимает трудное для себя решение сообщить об этом факте инспектору Линли.

Таким образом, исходные ментальные пространства формируются на основе сопоставления двух событий: ситуации далекого прошлого, репрезентируемой в метафорической прецедентной фразе "playing for the ashes", и гибели в пожаре игрока в крикет, лежащей в основе сюжета романа. При этом прецедентное выражение, послужившее заглавием к роману, не просто переносится в роман в своем исходном значении, а приращает новыми смыслами по ходу развития сюжета и его полный смысл может быть реконструирован лишь после прочтения и осмысления

всего романа, прежде всего, в опоре на инфекцию.

Итак, в исходном ментальном пространстве № 1, отражающем смысл прецедентной ситуации, вербализованной в прецедентной фразе "playing for the ashes", мы можем выделить такие компоненты фреймовой структуры, как *ashes, ball, burn, competition, cricket, match, play, revenge*. Во втором исходном пространстве, формирующемся в нашем сознании в процессе осмысления событий, изложенных в романе, мы можем выделить следующие компоненты: *ashes, ball, burn, competition, cricket, death, detective, evidence, fire, hate, investigation, jealousy, love, play, revenge, witness*. Даже простое сопоставление показывает, что исходное пространство № 2 оказывается шире по своему объему, включая такие компоненты, как *fire, death, love, hate, jealousy, investigation, detective, witness, evidence*. Сопоставление двух ментальных пространств, на основе которых формируется бленд, позволяет выделить следующие компоненты, образующие общее ментальное пространство: *ashes, ball, competition, cricket, play, revenge*. На основе концептуальной интеграции взаимодействующих ментальных пространств пространства прецедентной ситуации и смыслового пространства романа, образуется совмещенное ментальное пространство (бленд), формируемое следующими компонентами: *ashes, burn, competition, cricket, death, fire, hate, jealousy, love, play, revenge*. При этом значимым является тот факт, что данные компоненты получают новое смысловое наполнение в структуре бленда. Так, компонент *play* получает в смысловом пространстве романа более расширенное толкование. С одной стороны, игра как спортивное состязание получает метафорическое наполнение в тексте, как, например, в следующей фразе, описывающей диалог Оливии с матерью: "The ball was in her court. I waited, resigned. Let her have at me, I thought" [George 1994: 636]. С другой стороны, и это имеет гораздо большее значение для конструирования совмещенного ментального пространства, понятие игры (*play*) получает более широкий смысл в романе: это не только спортивная игра, а те сложные игры, которые люди играют в жизни, примеряя на себя разные маски, играя разные роли, лицедействуя в различных жизненных ситуациях (весь мир – театр!). Именно в таких значениях употребляется глагол *play* в тексте романа, как, например, в следующем предложении, описывающем поведение сына Флеминга во время ареста: "He was playing it tough and taking himself to a place where his answer to every question would

be a sneer. Oh, I know that look Jimmy had on his face. It said: "I've got armour," "I don't care about nothing". It communicated the fact that the past didn't matter because he had no future" [George 1994: 663]. В семантическое пространство игры в самом широком смысле этого слова втягиваются и такие лексемы, как 'dress rehearsal': This is like a dress rehearsal for death [George 1994: 645], 'scene': I couldn't move to her without making an awkward scene of it [George 1994: 633], 'trick': He hoped for a single clue as to what might happen next. He'd reached the absolute bottom of his bag of tricks [George 1994: 630], 'artist': She was clever enough to know that I'd come to ask for something. She was vindictive enough to make me crawl across coals of discomfort in order to ask it. All right, I thought. I'll give you your petty victory. You want me to crawl? I'll crawl. I'll be the artist of crawl [George 1994: 633]. Примечательно, что экспликация смысла концепта *PLAY* приводится автором в размышлениях инспектора Линли о глубинной сути всех событий и судеб, с которыми он столкнулся в ходе расследования. "Linley went to shower and change. He thought about some of the ironies of life: meeting the right person at the worst possible time, deciding upon a course of action only to have it bring about one's own downfall, having a cherished belief proven fallacious, attaining what one desperately wants only to discover one actually doesn't want it at all. And this one, of course, this final irony. Having thrown down a gauntlet comprising half-truths, half-lies, and deliberate misinformation only to have a gauntlet of fact thrown down in return [George 1994: 673]; I want an end to the play when sometimes it's only an interlude in the action. That's the miserable fact of my life [George 1994: 675]. Двойное осмысление получает и компонент *ashes* в структуре бленда. С одной стороны, он наследует метафорическое значение прецедентного высказывания «получить реванш», т.е. отомстить за поражение, а с другой стороны, поскольку речь идет о гибели Флеминга в пожаре, данное слово имеет и более узкий, но одновременно тоже метафорический смысл: люди, окружавшие его, продолжают бороться за право владеть им даже тогда, когда от него остался лишь пепел. Именно такой смысл имеет, на наш взгляд, сцена, в которой мисс Уайтлоу, обезумевшая от совершенного ею убийства, держит в руках старый мяч для игры в крикет, который он ей однажды подарил: "You gave me this. In front of all those people. Your wife. Your children. Your parents. Other players. "Let's give credit where credit is likely due", you said" [George 1994: 655].

Немаловажное значение для экспликации того смысла, который приобретает прецедентная фраза 'playing for the ashes' в тексте романа, имеет и тот факт, что в совмещенном ментальном пространстве происходит перемещение компонентов во фреймовой структуре: если в исходном ментальном пространстве основную нагрузку несут компоненты *ashes, ball, competition, cricket, match, play, revenge*, то в бленде такие компоненты, как *ball, cricket, competition, match* уходят на второй план, образуя необходимый для развития сюжета фон, а компоненты *ashes, play* приобретают более широкий смысл, что способствует выдвиганию на первый план таких компонентов, как *death, love, hate, jealousy*, что, в конечном счете, придает роману более глубокий смысл. Именно этот смысловой синкретизм, как нам представляется, делает заглавие романа чрезвычайно сложным для перевода. Предлагаемое переводчиком название романа на русский язык «Прах к праху» [Джордж 2009], на наш взгляд, не отражает полностью сути английского названия, поскольку из него исчезает игра смыслов (и слов), присутствующая в оригинальном названии.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что в результате интертекстуального взаимодействия прецедентный текст, вводимый в той или иной форме в порождаемый автором новый текст, не воспроизводит целиком тот смысл, который он выражал в тексте-доноре (претексте), а прирастает новыми смыслами, оказывает синкретным в своей сущности, поскольку обладает двойной референцией, отсылая, с одной стороны, к исходному тексту, а с другой, получая новое осмысление в порождаемом тексте. Сказанное позволяет заключить, что новый смысл, возникающий в результате межтекстового взаимодействия, возникает в точке пересечения смысловых пространств взаимодействующих текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.Н. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя. Предисловие редактора к книге: Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. / Под редакцией и с предисловием А.Н. Баранова. – М.: Едиториал, УРСС, 2004. – С.7–21.

2. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.

3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: 1979. – 424 с.

4. Джордж Э. Прах к праху. – М.: Эксмо, 2009. – 672 с.

5. Ирисханова О.К. О теории концептуальной интеграции // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания (Материалы Круглого стола, апрель 2000 г.). – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – С. 62–67.

6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. / Под редакцией и с предисловием А.Н. Баранова. – М.: Едиториал, УРСС, 2004. – 256 с.

7. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Труды по знаковым системам. XIV. – Тарту, 1981. – С. 3–18.

8. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. – М.: Academia, 2005. – 639 с.

9. George, E. Playing for the Ashes. – Bantam Books, 1994. – 619 p.

10. Grady J.E., Oakley T., Coulson S. Blending and Metaphor// Metaphor in Cognitive Linguistics. G. Steen & R. Gibbs (eds.). – Philadelphia: John Benjamins, 1999.

11. W. Intertextuality: The Epitome of Culture// Foreword to: Renate Lachmann. Memory and Literature. Intertextuality in Russian Modernism. Translated by R/ Sellars and A. Wall. Forward by W. Iser. Theory and History of Literature. Volume 87. University of Minnesota Press/ Minneapolis/London, 1997.

12. Lachmann R. Memory and Literature. Intertextuality in Russian Modernism/ Translated by R. Sellars and A. Wall. Forward by W. Iser. Theory and History of Literature. Volume 87. University of Minnesota Press/ Minneapolis/London, 1997.

13. Sweetser E., Fauconnier G. Cognitive Links and Domains: Basic Aspects of Mental Space Theory // Space Worlds and Grammar. The University of Chicago Press: 1996. P.1–28.

14. Turner M., Fauconnier G. Conceptual Integration and Formal Expression // Metaphor and Symbolic Activity. 1995. #3. P.183–204.

15. Turner M., Fauconnier G. A Mechanism of Creativity // http://muse.jhu.edu/journals/portics_today

Кремнева Анна Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Английский язык»

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, Россия